

Алексей Алексеевич Ярцев

**Михаил Щепкин. Его жизнь и
сценическая деятельность**

Алексей Алексеевич Ярцев
Михаил Щепкин. Его жизнь
и сценическая деятельность
Серия «Жизнь замечательных людей»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175630

Аннотация

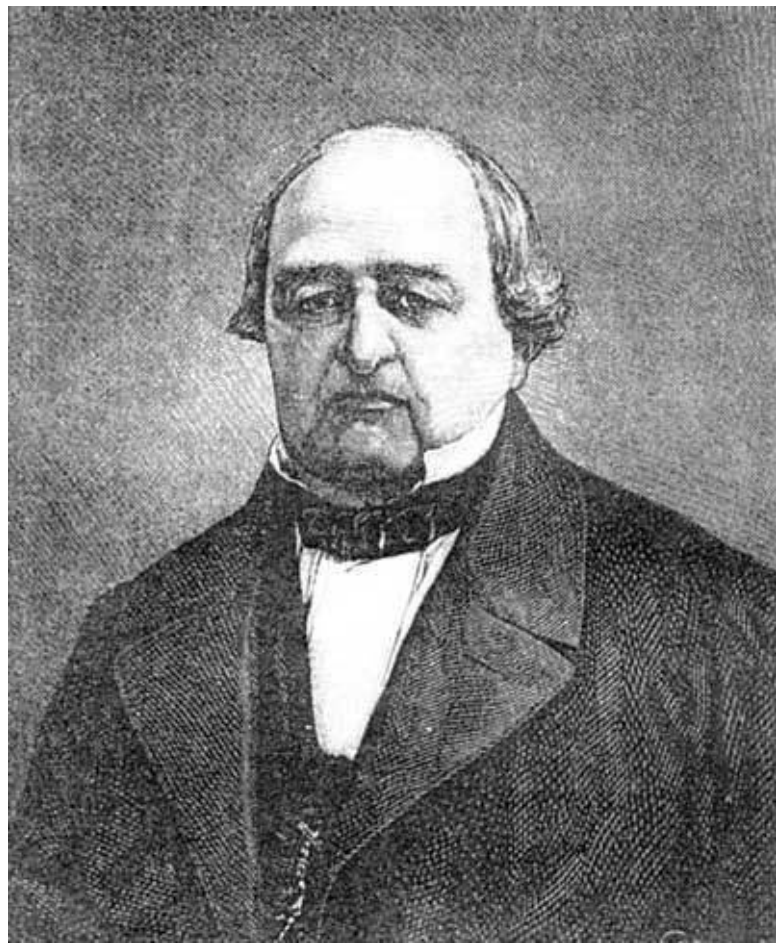
Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

От автора	6
Глава I. Детство и юность М. С. Щепкина	9
Конец ознакомительного фрагмента.	24

А. А. Ярцев
Михаил Щепкин. Его
жизнь и сценическая
деятельность
с прибавлением кратких
биографий П. С. Мочалова,
В. А. Каратыгина,
А. Е. Мартынова
и П. М. Садовского

Биографические очерки А. А. Ярцева
С портретом М. С. Щепкина, гравированным в
Петербурге К. Адтом

От автора

Не имея возможности приводить здесь перечень всех материалов для предлагаемых в этой книжке очерков, назовем главнейшие. Для биографии Щепкина мы пользовались материалами, обозначенными в составленной нами брошюре «М. С. Щепкин в русской литературе (Щепкиниана)». М., 1888, – и, кроме того:

1. «Русский архив», 1889, № 4 (воспоминания А. Щепкиной).
2. «Артист», № 6 (статья Н. Тихонравова).
3. «Основа», 1862, № 4 (дневник Шевченко).
4. А. Н. Пытин. Белинский.
5. А. В. Станкевич. Грановский.
6. А. С. Гацисский. Нижегородский театр.
7. Н. Юшков и др. Е. Б. Пиунова.
8. С. Т. Аксаков. Сочинения. Том 4, 1886 (к биографии Мочалова).
9. П. Мочалов. Стихотворения. – «Литературный кабинет» и «Репертуар», 1846.
10. «Русский архив», 1875, № 12 (статья Кублицкого).
11. В. Белинский. Сочинения.
12. Арапов. «Драматический альбом» (о Мочалове).
13. «Антракт», 1865 и 1868.
14. «Русская старина», 1886, № 4-6 (воспоминания А. Д.

Галахова и других).

15. П. А. *Каратыгин*. Записки (к биографии Каратыгина).

16. Еженедельник «Новое время», 1880, № 81—86 (биографический очерк).

17. А. *Вольф и др.* Хроника петербургских театров.

18. «Северная пчела», «Русский инвалид», «Санкт-Петербургские ведомости» и другие периодические издания, 1860 (к биографии Мартынова).

19. «Современник», 1860, № 9 (статья Панаева).

20. А. *Вольф и др.* Хроника.

21. В. И. *Родиславский*. Биографический очерк (к биографии Садовского).

22. «Московские ведомости», 1872, № 183 (статья Д. Аверкиева).

23. «Русский архив», 1873, № 2 (воспоминания С. Соловьева).

24. *Арапов и др.* «Драматический альбом» (о Садовском).

Кроме того, в настоящих очерках мы пользовались устными рассказами, слышанными нами от живых доселе сотоварищей по сцене биографируемых артистов.

В течение 30 лет, прошедших со смерти М. С. Щепкина, в русской литературе еще не появлялось более или менее полной разработки данных о его жизни и деятельности. Наш очерк является скромной попыткой сгруппировать в пределах настоящего издания сведения о жизни великого артиста и охарактеризовать его как сценического деятеля и человека,

а вместе с тем очертить жизнь и деятельность главнейших представителей русской сцены щепкинского времени: П. С. Мочалова, В. А. Каратыгина, А. Е. Мартынова и П. М. Садовского.

Глава I. Детство и юность М. С. Щепкина

Михаил Семенович Щепкин принадлежит к числу тех замечательных русских людей, к числу тех русских самородков, которыми по справедливости может гордиться родина и имена которых в летописях прогрессивного движения страны стоят в первых рядах деятелей на пользу своего отечества. Щепкин не занимал высокого государственного или общественного положения, он не был ни знаменитым ученым, ни славным полководцем. Щепкин был актер. И этому, в его время далеко не почетному, званию он сумел придать в лице своем наивысшую степень общественного уважения, вращаясь в избранном кругу ученых, профессоров, лучших наших писателей. И не только вращаясь, но будучи выдающимся членом своего кружка, искавшего у него, актера, нередко и отдыха, и совета, и доброго слова. Всем этим он обязан был исключительно самому себе, своей искренней, горячей любви к искусству и непреклонному, упорному труду над своим развитием. Такова благотворительная сила труда, такова сила веры в его плодотворность, сила любви к делу, являющемуся для известного человека исключительной и высшей целью его существования.

Жизнь Щепкина — живое и неоспоримое доказательство

этого.

«Я родился в Курской губернии Обоянского уезда, в селе Красном, что на речке Пенке». Этими словами, написанными рукою А. С. Пушкина, начинаются «Записки М. С. Щепкина». Днем рождения Щепкина было 6 ноября 1788 года.

Прадед Михаила Семеновича служил священником в селе Спасском Мосальского уезда Калужской губернии, а отец его родился крепостным. «Это, – говорит Щепкин, – не должно казаться странным, ибо в том веке делалось это часто, так что дед мой не слишком удивился, когда, заснув свободным, проснулся крепостным». По рассказу Михаила Семеновича, дед его, Григорий Иванович, сын священника, обладал в детстве хорошим голосом и часто певал в церкви. Соседний помещик, граф С. Е. Волькенштейн, слышал пение мальчика, и оно так ему понравилось, что вскоре маленький певчий уже числился крепостным графа. В то время закрепощение лиц духовного звания было делом нередким; даже по закону те из них, которые не получали штатных церковных мест, записывались за помещиками. Как бы там ни было, но Семен Григорьевич, отец Щепкина, от рождения считался дворовым человеком графа Волькенштейна. Мать Щепкина была тоже из крепостных девушек, отданных в приданое за графиней. Семен Григорьевич служил камердинером при барине; Марья Тимофеевна – сенной девушкой при барыне: этого было уже достаточно, по обычаю того времени, чтобы сочетать их браком. И отец, и мать Щепкина были любимы своими господа-

ми и пользовались их неограниченной доверенностью. Граф и графиня отличались добротой, и Щепкиным, занимавшим такое исключительное положение среди барской дворни, жилось хорошо. Смерть первых двух детей заставила их погрузиться, но скоро явилось утешение – родился Миша, и на него счастливые по-своему родители перенесли все свои заботы и надежды.

Воспоминания детства глубоко запечатлелись в памяти Щепкина, и на склоне лет он живо и ярко описывает некоторые эпизоды далекого прошлого. Родители еще до его рождения постарались позаботиться о счастье будущего ребенка. И вот на семейном совете они решили: ежели Бог даст благополучно родить, – взять куму и кума из первых встречных, несмотря на то, что первых двух детей у них крестили господа. А потому, когда благополучно явился он на свет, крестным отцом его был пьяный лакей, а крестной матерью – повариха. Однако счастливая примета – «первые встречные» кумовья – с самого начала чуть было не оказалась ложной.

«Повивальная бабка, – рассказывает Щепкин, – отправляя свою должность, что-то и как-то плохо перевязала, и я едва не изошел кровью. Но, видно, уж так должно было быть, чтобы предрассудок имел еще событие, которое бы давало ему право на большую веру: кто-то вовремя рассмотрел беду и новой суровой ниткой, ссученной вдвое, так сказать, привязал меня к жизни».

Тихо и мирно проходили первые годы детства Щепкина, сделавшегося любимцем и родителей, и господ. Полугодовым малышом он уже пользовался привилегиями, совершенно выходявшими из рамок общепринятой дворовой дисциплины.

«Мать моя, — *говорит он по этому поводу,* — по милости господ отправляясь для услуг, уже брала и меня с собою, и я имел полное право валяться на господских диванах и пользоваться всеми правами ребенка. А если иногда случалось мне быть невежливым, то граф, по обыкновению, ворчал, а графиня от души смеялась».

Графская снисходительность к малышу вполне соответствовала тем милостям, которыми были взысканы от господ его родители. В первые же годы после рождения Миши отец его быстро продвинулся вперед в своей карьере и из камердинеров был назначен в управляющие всех графских имений, разбросанных верст на семьдесят в округности. Новому управляющему надо было поселиться в центре графских поместий и переехать из Красного, но графиня, души не чаявшая в своей Маше и полюбившая ее маленького забавного сынишку, долго не соглашалась отпустить их от себя, и отцу Щепкина приходилось или разъезжать по имениям, или жить без семьи на хуторе. Наконец, графиню убедили не разлучать Семена Григорьевича с семьей, и Щепкины выехали из господского дома и поселились в другом, Судженском

уезде. Тут прошла остальная часть детства Щепкина, лет с четырех.

«Детство это, – по признанию Михаила Семеновича, – было весьма неинтересное, как и детство всякого ребенка, особенно в том звании; известно только, что я был самый острый и умный ребенок». Очень рано начали ребенка учить грамоте, когда ему не было еще и пяти лет, «чтобы не баловался». И ключнику хлебного магазина при винокуренном заводе суждено было внедрять начала премудрости в детскую голову будущего артиста. Учение пошло легко и быстро, и в шесть лет Щепкин вполне уже усвоил всю несложную науку первоначального образования: азбуку, Часослов и Псалтырь. Наука эта воспринималась чисто механическим путем. Ученики – два сына шинкаря и Щепкин – не понимали ни слова из прочитанного, но приобретали способность бегло читать церковные книги. У Щепкина остались в памяти картины первых шагов его на пути к просвещению. Вот он помнит, например, такую патриархальную сцену.

«При перемене книги, т. е. когда я окончил азбуку и принес в школу в первый раз Часослов, то тут же принес горшок молочной каши, обернутый в бумажный платок, и полтину денег, которая, как дань, следуемая за ученье, вместе с платком вручалась учителю. Кашу же обыкновенно ставили на стол, и после повторения „задов“ (в такой торжественный день ученья уже не было) раздавали всем учащимся ложки, которыми и хватали кашу из горшка. Я, принесший кашу и

совершивший подвиг, т. е. выучивший всю азбуку, должен был бить учеников по рукам, что я исполнял усердно, при всеобщем шуме и смехе учителя и его семейства. Потом, когда кончили кашу, вынесли горшок на чистый двор, поставили его посредине, и каждый бросал в него палкой; тот, кому удавалось разбить его, бросался стремглав бежать, а прочие, изловив его, поочередно драли за уши».

Что обозначала эта церемония, для чего она делалась, – и сам Щепкин не мог объяснить.

Мальчик удивлял всех своими способностями, учитель не успевал задавать ему уроки, но не обходилось все-таки дело и без старинного педагогического средства – хороших пучков розог. К ним прибегал иногда и отец Щепкина, наказывая сына за непослушание и шалости. Доставалось ему особенно за небрежное отношение к науке ключника. Живая натура мальчика плохо мирилась с этим механическим процессом чтения. Не хотелось ему сидеть за скучными, давно уже надоевшими «задами»: его тянуло из школы на волю. И вот, отбарабанив положенное количество «задов» так, что «и сам сатана не мог бы разобрать ни слова», он убегал в лес и возвращался оттуда домой лишь к обеду. Отец скоро проведal про такое повторение «задов», изловил как-то мальчугана в лесу и порядочно его выпорол, а учителю строго приказал следить за тщательным повторением «задов».

Ключник, как подчиненный управляющего, должен был исполнить его приказание и стал наблюдать, чтобы Щепкин

читал по «точкам». Но тут бойкий ученик поставил в тупик своего учителя, сорок лет обучавшего юношество грамоте, задавши ему вопрос: да для чего же останавливаться по «точкам»? Учитель остолбенел от такого совершенно неожиданного вопроса, стал давать объяснения, но мальчик разбивал в пух и прах все его доводы, а вопрос все-таки не решался. Тогда, вспоминает Щепкин, «учитель, видя, что злой дух совершенно овладел мною (ибо не может быть, чтобы без его наущения такой умный ребенок не понял того, что, по его мнению, он растолковал так ясно), а потому, не желая входить в состязание с сатаной, как он говорил, отпустил мне в голову порядочную тукманку, говоря: „Колы ты тым точкам не веришь, так óт тоби точка! От сей, мабуть, поверишь“.» И обещал еще задать настоящего жару, если мальчик снова начнет допытываться о «точках». После такого сильного доказательства Щепкин навсегда отказался от подобных вопросов.

Матери было больно смотреть, как наказывали ее любимого сына, наказывали часто ни за что ни про что; она уговорила отца отдать мальчика к другому учителю, к священнику одного из графских сел. Ей думалось, что там Мише будет лучше, но наука и у нового учителя началась розгами. На другой же день после поступления Щепкина учитель нещадно выпорол его за разорванный лист Псалтыря, который вновь поступивший хотел половчее и поскорее перевернуть, чтобы блеснуть своими знаниями перед детьми свя-

щенника. Потом дело обошлось; но учиться и тут Щепкину было нечему: священник и сам плохо разбирал то, что не часто встречалось в церковных книгах. Зато будучи вдали от родительского надзора, здесь мальчик имел больше свободы. Отец, приезжавший иногда, был очень доволен, слушая, как его сын, с детства обладавший замечательным слухом, поет на клиросе. Это удовлетворяло его самолюбие. Семен Григорьевич мог называться бывалым человеком. Он много поездил по свету с графом, много насмотрелся всего и наслушался в своей жизни, знал, что сулит судьба крепостному. Его мечтой было вывести сына из той среды, к которой он принадлежал. Да и сам он в своем кругу был выдающимся человеком. Щепкин утверждает, что отец его «был всегда выше своего звания, чему доказательством служит и то, что он не удовлетворялся тогдашними общими понятиями своего круга об образовании детей». Он желал научить сына чему-то большему, хотя и слышал беспрестанно вокруг себя от своих товарищей: «Черт знает, чему управитель хочет учить своего сына, отдавая в Белгород; мальчик уж и так выучил азбуку, Часослов и Псалтырь, его бы теперь выучить писать — и конец; а там отдать в суд переписывать дела, и вышел бы человек». Отец, слыхавший об университете, а может быть, мечтавший о нем и для сына, улыбаясь, пропускал мимо ушей эту болтовню и надумал везти сына в Белгород, к одному очень ученому священнику, старому своему знакомому.

Задумано – сделано. Взяли Мишу от учителя домой, дали ему досыта нагуляться и набегаться на свободе и после напутственного молебна и званого обеда для родных торжественно усадили мальчугана в кибитку между отцом и матерью и двинулись в путь. Во время этой поездки случилось важное событие в детской жизни Щепкина, повлиявшее, по собственному его признанию, на всю его судьбу. Случилось, что путники остановились на ночлег в поместье графа, в том самом Красном, где родился Щепкин. Графиня, когда-то баловавшая мальчика, к тому времени уже умерла; граф-вдовец для развлечения и забавы своих детей устроил театр в своем доме, как это часто бывало тогда у богатых помещиков. У него был хороший оркестр музыкантов и порядочный хор певчих, так что была возможность ставить и оперы. На этот раз, когда Щепкины остановились в Красном, дана была опера «Новое семейство».

Щепкин не говорит в своих записках, какое впечатление произвел на него этот спектакль, но утверждает, что в этот вечер решила вся его будущая судьба. Описание же обстановки зрительного зала и всего происходившего до начала спектакля он оставил такое подробное, что становится очевидным, как глубоко запечатлелось в его памяти первое виденное им сценическое представление. Голова семилетнего восприимчивого мальчика закружилась от необыкновенной обстановки: он глядел во все глаза и, казалось ему, ничего не видел, но тем не менее все рассмотрел и все заметил, а

оперные мотивы помнил до конца своей жизни.

Этот вечер был роковым в жизни Щепкина: с тех пор зародилась в нем страсть к театру, угасшая лишь с последним вздохом гениального артиста.

И еще раз в детстве пришлось Щепкину возобновить свои сценические впечатления, но теперь уже не зрителем, а маленьким актером, и даже выдержать борьбу за театр против своих товарищей. Это случилось уже в Судже, где Щепкин учился в уездном училище после занятий у белгородского священника. После того достопамятного представления оперы в помещичьем театре прошло несколько лет. Как-то раз один из товарищей Щепкина принес в класс комедию Сумарокова «Вздорщина». «Что такое комедия?» – недоумевали ученики. Щепкин разрешил этот вопрос и, вспоминая представление оперы, стал рассказывать товарищам, как можно комедию разыграть в лицах. Но – нет пророка в своем отечестве! – не поверили дети маленькому толкователю да еще и напали на него, называли лгуном и самохвалом. Довели его до того, что и в нем стало зарождаться сомнение: можно ли и в самом деле разыгрывать комедию так же, как и оперу? Спор детей перешел в крик, проснулся спавший в соседней комнате учитель и вышел на расправу с буянами. Причина шума, однако, скоро разъяснилась, и учитель не только поддержал Щепкина, но и рассказал ученикам, что есть драмы, трагедии и оперы, которые тоже можно играть, и что в Москве по этой части есть хорошие актеры: Шушерин, Ожо-

гин и другие.

Щепкин торжествовал, а беседа о комедии и театре продолжалась и оживила ученье.

«В первый раз, – вспоминает Щепкин, – у учителя в классе не было скучно; не знаю, отчего: от того ли, что в его преподавание ворвалась совершенно новая мысль и новостью своею сделалась интересна, или он сам впервые нарушил обыкновенный образ своего чтения и вместо мертвых слов познакомил нас с мыслью. Одним словом, мы не скучали в классе, нам было весело, мы как будто вдруг поумнели и даже нам сделалось скучно, когда звонок пробил об окончании класса; по крайней мере, так было со мною».

Но какова же была радость Щепкина, когда учитель, уходя из класса, сказал ученикам:

– Вот дураки! Вместо того, чтобы бегать по улицам да биться на кулачки или другими подобными занятиями убивать время, не лучше ли было бы, если бы вы разучили эту комедию да перед роспуском на масленице сыграли бы ее у меня.

Восторг детей был общий; куда девались обычные шалости; все думали лишь о комедии и больше всех, разумеется, Щепкин. Дети как будто переродились. «Вздорщина» надделала чудес. Радостное настроение Щепкина, впрочем, сейчас же и изменилось; в его детскую душу заползал уже червячок сомнения: «А вдруг мне не дадут играть, – размышлял он. –

Много есть детей дворян, чиновников, купцов, мещан, которые все далеко выше моего звания, и эти дети, вероятно, будут предпочтены. Вместо радости тоска и чувство унижения чрезвычайно тяготили меня, хотя какой-то луч тайной надежды мелькал в голове моей, что, может быть, я и буду играть». А главное, утешало его то, что он был одним из лучших учеников, которого не должен был бы обойти учитель при раздаче ролей. Воображая себя уже играющим, Щепкин живо вспоминал виденную им когда-то оперу и испытывал необъяснимое удовольствие. Что это было за удовольствие — он и сам не знал, но ему было так хорошо, хотя изредка сердце его щемила та же невеселая мысль: «А ну, как я не буду играть в комедии?»

На следующее утро учитель распределил ученикам роли, и Щепкину назначил играть слугу Розмарина. Мальчик до слез обрадовался своей счастливой доле. Расписали и выучили роли, начали репетиции. Все шло удачно, а Щепкин читал свою роль с такой быстротой, что все приходили в удивление, а учитель приговаривал, улыбаясь: «Ты, Щепкин, уж слишком быстро говоришь, а впрочем, хорошо, хорошо».

Наконец настал давно желанный день спектакля. Классную комнату превратили в зрительный зал и сцену, сзади сцены повесили полог с кровати, и из-за него выходить должны были юные актеры. Учитель пригласил на спектакль всю городскую знать и семейства участвовавших в комедии. Для всех зрителей спектакль был неожиданностью, а городничий

даже спросил: «Не будет ли в этом представлении чего-нибудь неприличного?» Но учитель уверил, что за исключением барыни, которая бьет свою девку башмаком, нет ничего такого. «Ну, в этом нет еще ничего предосудительного», — сказал городничий.

В пять часов вечера собрались зрители и расселись по местам. Актеры умылись, причесались, оделись кто как мог поопрятнее. На слуге Розмарине-Щепкине был длинный сюртук и розовый платок на шее. Представление началось.

Этот спектакль и все связанное с ним навсегда сохранилось в памяти Щепкина со многими подробностями. Он описал впоследствии не только различные эпизоды этого вечера, но и свои ощущения и чувства, волновавшие его при этом первом дебюте. Сначала он как будто струсил, но потом был в таком жару, что себя не помнил и чувствовал какое-то самодовольство, видя, что быстрее его никто не говорит. Посетители были очень довольны, хлопали напропалую, а городничий изредка одобрял словесно: «Хорошо, лихо» — и тому подобными восклицаниями. По окончании пьесы всех актеров подозвали к себе зрители и начали расхваливать.

Вечер кончился, но встревоженное воображение Щепкина продолжало свою работу и ночью: спал он беспокойно, ему грезился спектакль, снилось, что он играет и не знает роли, одет неприлично и тому подобное. И сон оказался в руку. Наутро Щепкин пошел к учителю просить отпуск домой на масленицу, но получил вместо того приказание остаться на

несколько дней и играть ту же комедию в доме городничего. Щепкин был вне себя от радости, а особенно когда учитель велел ему отпустить к отцу приехавших за ним лошадей и обещал выхлопотать у исправника предписание, чтобы достать обывательскую подводу. Тут Щепкин увидел, что он необходим, что без него не пойдет спектакль, и городничий, и город будут лишены удовольствия. А у городничего, отдававшего дочь за откупщика, было назначено великое торжество, волновавшее заранее весь город. Много толков было и о предстоявшем спектакле, хотя никто точно не мог определить, что это за штука такая – «комедия», которую собираются разыграть. С полудня толпы народа обступили дом городничего, и маленькие актеры принуждены были пробираться туда под охраною двух будочников. Гостей у городничего была масса, и играть перед таким многолюдным собранием было уже не то, что в училище.

Но и на этот раз юные лицедеи не посрамились. По окончании пьесы все гости наперерыв осыпали их похвалами, дамы всех целовали, а городничий, притопывая ногой, кричал: «Славно, дети, славно!» – и подарил им рубль медных денег и огромной величины пряник, который собственноручно разделил между детьми. Отдавая каждому его часть пряника, целовал детей и приговаривал: «Хорошо, плутишка!» «Меня же, – рассказывает Щепкин, – для отличия от прочих, согласно моему званию, погладил по голове, потрепал по щеке и позволил поцеловать свою ручку, что было зна-

ком величайшей милости, да прибавил еще: „Ай да Щепкин! Молодец! Бойчее всех говорил; хорошо, братец, очень хорошо! Добрый слуга будешь барину!“»

Невыразимое волнение – признак глубоко впечатлительной артистической натуры – овладело Щепкиным после этого спектакля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.